

Е.В. Титова

Вологодский государственный университет

НИКОЛАЙ РУБЦОВ. ОПЫТЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

В статье на материале устных высказываний и различных по объему и жанровым особенностям литературно-критических работ, написанных Николаем Рубцовым, анализируются его взгляды на лирическую поэзию, рассматриваются его позиции в отзывах на творчество современников, прежде всего поэтов Вологодского края, определяется рубцовская иерархия положительных и отрицательных свойств поэтических текстов, создающая ценностные ориентиры для творческой деятельности авторов, рецензентов и читателей сегодняшнего дня, а также способствующая пониманию актуальных проблем в области литературной критики.

Рубцов, поэт, поэзия, рецензия, критика, опыты, вологодские авторы, оценка, достоинства, недостатки, рукописи.

Обозначенная в заглавии конкретная тема, несмотря на прямую отсылку к имени поэта Николая Рубцова (1937–1971), думается, имеет отношение не только к рубцововедению, но и к иным исследовательским направлениям.

Снижение качества редактирования и книгоиздания в российской словесности, неопределенность стратегии развития периодической печати, страх перед цензурой в области художественной литературы, провалы в литературной критике, помноженные на ситуации, которые вполне можно охарактеризовать выражением «критика критики не выдерживает никакой критики», недостаточность внятных и обстоятельных оценок новых художественных явлений на фоне громких премиальных скандалов – все это было еще не столь остро ощутимо на рубеже XX–XXI веков, но на исходе 2010-х привело к уклонению активной читательской аудитории от споров о современной литературе, к снижению уровня осознания авторами результатов своего творчества, а в итоге, и к резкому дистанцированию пишущих от читающих. Художники слова постепенно перестали читать даже друг друга, несмотря на доступность публикаций в интернете, появление ряда альманахов и коллективных сборников. Утрата этого контакта болезненно сказывается на преемственности литературных поколений, на диалоге внутри писательских и творческих объединений и в целом на формировании ценностных ориентиров в искусстве слова. Изучение литературной критики второй половины XX века или опытов рецензирования рукописей отдельным поэтом или писателем – это, конечно, не панацея от всех «болезней» в процессе осмысления художественной словесности сегодняшнего дня и даже не способ восстановления качественных основ литературной критики. Но без такого изучения преодолеть инерцию повышенного субъективизма в творческой и читательской самоидентификации все-таки труднее.

Ряд других мотивировок данных исследований сформулирую более кратко. Литературно-критические работы известных поэтов и писателей

- раскрывают с новой, часто неожиданной, стороны их собственные творческие индивидуальности и персоналии: в рецензиях, предисловиях, оценочных характеристиках лаконично формулируются требования, предъявляемые к литературе, а достоинства и недостатки, подмеченные у других, свидетельствуют о причинах и характере эволюции авторов данных работ;

- способствуют осмыслению важнейшей и, к сожалению, пока не восстановленной системной практики рецензирования художественных текстов (в 1960–1980 гг. особую ответственность за нее несли выпускники Литературного института, то есть те, в чьем дипломе специальность была обозначена так: «литературный работник»);

- заключают в себе необходимый стимул для самокритики: благодаря знанию рецензий Николая Рубцова, сегодняшний автор, особенно стихотворец, получает возможность взглянуть на себя со стороны глазами данного поэта, согласиться с его замечаниями или оспорить их.

Последний тезис дополню следующим замечанием. Даже по небольшим отзывам Николая Рубцова можно, разумеется, предположить, что сказал бы он, например, о том или ином современном поэте Вологодского края, однако при этом необходимо учитывать, что если б Рубцов был жив и сохранил бы творческую активность, то и сам бы он был уже иным поэтом, что в свою очередь влияло бы на его позиции в литературной критике.

Начиная с зимы 1964–1965 гг. Рубцов принимал участие в устных обсуждениях рукописей на писательских совещаниях в Вологде. Правда, оценки двух его собратьев по перу не слишком совпадают: по мнению Василия Оботурова, Рубцов на этих собраниях не любил рассуждать о поэзии, да и в целом производил впечатление «не очень общительного человека» [7, с. 36], а Александру Романову запомнилось, что поэт «сосредоточенно молчал» [1, с. 228], но если высту­пал, то «кратко и очень точно, почти афористиче-

ски» [1, с. 228]. Показательно и добавление ответственного секретаря Вологодской писательской организации: «Уже потом я горько пожалел, что протоколы наших собраний и обсуждений велись слишком лениво и скудно... Сколько умнейших высказываний Николая Рубцова пропало незаписанными!» (Там же).

Остается надеяться, что все же довольно много рубцовских оценок и определений попали в нехудожественную прозу поэта: обзорные статьи, предисловия к книгам, рецензии, письма. Хронологический перечень многих ранее неизвестных и обнаруженных в архивах литературно-критических опытов, публикация их и комментариев к отдельным из них осуществлены в двух изданиях:

1. Вересов Л.Н. Страницы жизни и творчества поэта Н.М. Рубцова: сборник статей и документов / Леонид Вересов. – Вологда, Сад-Огород, 2013. – 312 с.;

2. Н.М. Рубцов. Письмо другу. Литературная реконструкция замысла поэта / Сост. Леонид Вересов. – Мурманск, Мурманская областная детско-юношеская библиотека, 2019. – 170 с.

Более раннее (1983 г.) и выборочное представление литературно-критических опытов поэта содержится в книге «Воспоминания о Рубцове» [2], в этом же издании в статье «Стихи и дни» Василий Оботуров определяет и некоторые позиции Рубцова-рецензента, замечая, что «суждения поэта можно применить и к анализу его собственного поэтического мира» (Там же, с. 267). В мемуарных очерках есть ссылки на устные высказывания и рекомендации поэта в адрес тех, кто с ним советовался, например, в московской студенческой среде. «Он весьма охотно выслушивал на наших вечеринках рифмованные потоки, где ему приходилось отыскивать удачные строки, строфы, чтоб похвалить, не кривя душой» (Там же, с. 202) – вспоминал Сергей Чухин. При этом о современных поэтах, чьи имена будут в эпоху «оттепели» у всех на слуху, Рубцов говорил мало, сдержанно. Несколько позднее, в Вологде, усталость от рифмованных потоков все же накопится, и Рубцов откажется принимать у себя начинающих стихотворцев, а вместо довольно конкретных объяснений ошибок и недочетов по рукописи Сергея Чухина в 1968 г. предпочтет иной вид рекомендательной критики: «Он не заставлял меня править построчно. Понравившиеся стихи откладывал в одну стопу, не понравившиеся – в другую» (Там же, с. 207). Однако именно в это время Рубцов проявит себя и в обзорных статьях развернутого характера, и в предисловиях к книгам Ольги Фокиной и того же Сергея Чухина. В статьях он сформулирует главные законы поэтического творчества, а в рецензиях и отзывах настойчиво подчеркнет необходимость работы над собой, самостоятельных правок при подготовке рукописей к печати.

Новые материалы в книгах, составленных Леонидом Вересовым, подтверждают, что и письменные оценочные рассуждения о поэзии довольно частотны у Рубцова, особенно с середины 1960 гг.: они характерны для писем, обращенных к руководителю семинара в Литературном институте Николаю Николаевичу Сидоренко, к Виктору Бокову, Александру Яшину, включены в обращения к издательствам, ответственным за выпуск книг поэта, в литературные обзоры,

появляющиеся в газете «Вологодский комсомолец», внештатным сотрудником которой Рубцов становится именно в это время (с 1969 г. уже штатным), в предисловиях к книгам Ольги Фокиной, в автобиографические заметки.

Наиболее раннее, но уже концептуальное размышление 24-летнего поэта, работающего в это время (март 1960 г.) кочегаром 5-го разряда, развернуто в письме к Герману Гоппе, литературному консультанту ленинградской молодежной газеты «Смена». Отвечая на упреки адресата, Рубцов отстаивает следующую мысль: в любви поэта к простому, земному миру, к деревне и светлым картинам детства нет ничего противоестественного, именно эти добрые воспоминания, не связанные с такими понятиями, как «щелина», «спутник», «борьба за мир» и «семилетний план», более естественны для стихов о родине.

Отчасти принимая замечание по поводу традиционности своих стихов, Рубцов заявляет: «грех наполовину не мой» [5, с. 24], поясняя, что и сам он во время службы на Северном флоте, в период появления первых своих произведений в газете «На страже Заполярья», полагал, что в лирическом творчестве стоит делать выбор в пользу «ура-патриотических» стихов: именно они нужны в периодике. Теперь же как раз призывные, лозунговые стихи, заполнившие газеты, представляются ему неестественными и надуманными. Саркастической шуткой награждает Рубцов тех, кто радуется публикации подобных сочинений, не щадя, впрочем, и самого себя: «После каждого напечатанного в такой газете стихотворения можно говорить другу: “Поздравь меня с законным браком!”» (Там же). Этим словом «брак» поэт намекает и на союз авторов с пропагандистскими изданиями, и на низкое качество декларативных стихотворений, четко выражая свое мнение: «казенщина не почва для поэзии» (Там же).

На такой позиции и на праве выбора иного направления Рубцов-поэт будет настаивать и находясь в Вологде. Сергей Багров причину немногословности своего друга на литературных семинарах в вологодской среде видит именно в тех претензиях, которые часто адресовались Рубцову: «его упрекали за то, что слишком много внимания он уделяет старине, патриархальщине. А где сегодняшний день? Где люди партии? Где комсомол?» [3, с. 73]. А Рубцов в это время писал Феликсу Кузнецову о том, что увлечение внешней стороной стиха, стремление к яркому «при недостаточном чувстве гармонии – приводит частенько к хаосу и бессмысленности» [5, с. 46] и признавался: «Я не люблю таких, которые “Я танки брал, я кровь свою мешками проливал, вся грудь моя...”» (Там же, с. 46). Спор о социальности возник и с Василием Елесьиным: «А ты знаешь, что такое поэзия?! – бросился в атаку Рубцов. – Разве можно дать поэту задание: будь социальным. Выполнить-то он его, может и выполнит, да только голой техникой. Души, таланта в стихах не будет» [2, с. 189].

Однако и противоположные публицистическим и помпезным стихам 1960-х порывы к экспериментальной и антисоциальной поэзии, оглядывающейся на пока еще распространяемую самиздатом лирику Серебряного века, не были подхвачены молодым авто-

ром ни в период работы в Ленинграде, ни во время обучения в Литературном институте в Москве. Отмечу, что в том же письме Герману Гоппе в 1960 г. описано ленинградское выступление Иосифа Бродского – без восторга, поскольку он показался Рубцову поэтом «с декадентским душком», однако при этом замечено, что «в зале не было равнодушных во время его выступления» [5, с. 26]. Впечатления от тех стихотворений, которые читали на этом вечере, обсуждались на заседаниях литобъединения при Кировском заводе, обусловили еще одну мысль Рубцова, обозначенную им во вступлении к своему первому самодельному сборнику «Волны и скалы» (книга была оформлена в 6 экз.): «Любая “игра” не во вред стихам, если она от живого образа, а не от абстрактного желанья “поиграть”» (Там же, с. 20).

В воспоминаниях о Рубцове тема поэзии и оценки поэтического искусства тоже не такая уж редкая. Акцентна эта тема в тех разговорах, которые приведены в мемуарных очерках Александра Романова, Сергея Багрова, Людмилы Дербиной. В устных высказываниях Рубцова современное состояние поэзии, как правило, оценивается через поэтов прошлого, через сравнение достигнутого Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом, Блоком, Есениным, которого, как свидетельствует Алексей Хлуденев, Рубцов считал «первым поэтом двадцатого века» [3, с. 31]. В перечне поэтов, о которых размышляет Рубцов устно, нет Некрасова и Маяковского, нет имен современников – продолжателей этой традиции, но есть обращение к французской поэзии и настойчивое требование быть собой в литературе, не петь с чужого голоса. К слову, при вступлении Рубцова в Союз писателей в 1967 г. Ольга Фокина скажет: «Его стихи я могу узнать без подписи» [1, с. 224].

Одна из главных черт Рубцова как личности – интенсивное чтение: оно и на вологодском этапе жизни, при всех скитаниях поэта, продолжалось. Книги дарили или давали на некоторое время друзья, поэт пользовался хорошими домашними библиотеками Германа Александрова, Александра Романова, Бориса Чулкова, Виктора Астафьева, Виктора Коротаева, Василия Белова. По оценке Валентина Сафонова, Рубцов «много знал и помнил, потому что много читал и прочитанное основательно “переваривал” в себе» [2, с. 71]. И поэтому в написанных в Вологде «Вечерних стихах» Рубцова, несмотря на совсем иную лирическую тему, так естественны строки: *И, как живые, в наших разговорах / Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон* [8, с. 63]. Возможно, именно основательность и серьезность читательской работы, постоянное соотношение себя самого с предшественниками, любимыми поэтами прошлого, классической поэзией и одновременно настойчивое желание продолжить лучшее в литературе именно книгою Рубцова, а не прямого ученика Есенина или Тютчева и обусловили в зрелой лирике самого поэта множественность связей частного и общего, сочетание «гусарской бесшабашности и прозрачной грусти» (Виктор Коротаев [1, с. 230]), «нежности и раздумья» (Борис Непеин [6, с. 4]), «предметности и простодушия» (Игорь Шайтанов [9, с. 79]), «наивности и торжественности» (Игорь Шайтанов (Там же, с. 87)).

Последнее обстоятельное рассуждение Рубцова о поэтах и поэзии, состоявшееся в 1970 г., то есть через десять лет после цитируемого ранее письма Герману Гоппе, было записано на магнитофон вологодским композитором Алексеем Шиловым. Помимо поэта, в диалоге участвовали три человека, один из них был корреспондентом ТАСС по Вологодскому краю. Высказывания Рубцова посвящены Есенину, Верлену, Тютчеву, Пушкину как автору «Евгения Онегина», но для понимания ориентиров и намерений поэта в литературной работе наиболее важны два момента: Рубцов заявляет, что в Литературный институт пошел, «чтобы научить людей поэзии, литературе» [5, с. 73], а о себе – «Я не гениальный! Но и не бездарный, конечно...» (Там же, с. 74).

Изучая такие материалы, оценки и мнения Рубцова в контексте хронологии его творческой судьбы, можно убедиться в том, что главной мотивацией его литературно-критических опытов было все-таки не столько содержание образования в Литературном институте и всеобщая увлеченность поэзией конца 1950 – начала 1960 гг., сколько свободное, не навязанное извне, желание менять литературу к лучшему не только через свои стихи. Кроме того, поэт чувствовал необходимость самокритики: читая и слушая других авторов, он осознавал собственные недостатки, нередко постфактум оценивал некоторые свои подборки как неудачные (например, летнюю публикацию в журнале «Юность» в 1964 г.). К середине 1960-х, то есть к началу активной своей деятельности в Вологде как рецензента и литературного консультанта, автора обзорных и вступительных статей к изданиям других поэтов, Рубцов накопил немало отрицательных характеристик в отношении собственных произведений. Есть такие в уже упоминаемом предисловии к сборнику «Волны и скалы», в письмах к Сергею Багрову и другим адресатам, а в подаренном экземпляре первой книги «Лирика» (1965 г., 3 тыс. экз.), по устному свидетельству С.И. Александровой (вдовы вологодского поэта Германа Александрова), много перечеркиваний, доказывающих недовольство автора опубликованными стихотворениями. И Василий Елесин подтверждает: Рубцов «был строг и требователен к своим стихам, не переставал их править, совершенствовать даже после того, как они появлялись в печати» [2, с. 188].

Безусловно, необходимо учитывать и тот факт, что рецензирование на момент появления Рубцова в Вологде было обязательным направлением работы. С него, собственно, и начиналась Вологодская писательская организация, взаимодействуя с районными литературными объединениями и самостоятельными авторами. Первыми наставниками, критиками, консультантами были Сергей Викулов, Виктор Гроссман, Виктор Гура, но довольно быстро к ним присоединились другие поэты и писатели. Количество рецензий на рукописи разных авторов за первые полгода существования (от даты учреждения 25.07.1961 г. до декабря 1961 г.) еще очень немногочисленной Вологодской писательской организации поражает: 121. К 1964-му количество откликов уже больше 200 за год, а в 1965 г. – именно с этого времени Рубцов активно включается в работу отделения – 320 (в двух томах!). Обстоятельные и объемные разборы поэтиче-

ских рукописей в начале 1960-х уже были у Игоря Тихонова, Бориса Чулкива, Александра Романова. Писатели активно ездили по области, пишущие присылали свои рукописи и знали, что отклик будет. Нельзя также забывать, что действовал и материальный стимул: за каждую развернутую, тем более напечатанную в газете «Вологодский комсомолец», рецензию платили отдельно, и даже при наличии у Рубцова зарплаты как у сотрудника названной выше газеты, это было хорошим подспорьем.

Рецензии и отзывы, написанные Рубцовым в Вологде, охватывают период с 1966 г. по 1970 г. Самое большое их количество создано с конца 1967 г. по 1969 г., что вполне объяснимо: Рубцов принят в Союз писателей, подборки его стихотворений регулярно появляются в «Вологодском комсомольце», где на полставки он работает литконсультантом, общаясь с Василием Оботуровым, который именно в эти годы является редактором газеты и начинает свой путь в литературной критике; летом 1967 г. поэт принимает участие в поездке писателей по Волго-Балту, в семинарах и работе с начинающими авторами.

Общее количество таких письменных рецензий и отзывов, доступных для характеристики, – 25, адресованы они либо вологодским авторам, либо временно связанным с вологодским пространством поэтам и писателям. Систематизировать их можно по разным признакам и свойствам. Начну с критерия, обусловленного сегодняшним читательским подходом: степень известности лица, с которым связан литературно-критический опыт. В наследии Рубцова есть работы, адресованные, например, Нине Груздевой (по утверждению Леонида Вересова, поэтесса узнала о данной рецензии только в начале 21-го века), Полине Рожновой, Ольге Фокиной, Сергею Чухину, а есть и посвященные тем, чьи имена вряд ли вспомнит не искушенный в истории вологодской поэзии читатель: Герману Александрову, Виктору Лапшину, Нинель Старичковой, Ивану Козлову, Александру Кругликову.

Можно все литературно-критические опыты Рубцова оценить и с точки зрения внешнего объема. Он обусловлен прежде всего жанровыми и функциональными особенностями текста: эпистолярный отзыв для конкретного автора, рецензия для обсуждения на семинаре или подготовки написанного к публикации, обзорная статья, предисловие. Но, разумеется, объем зависел и от характера представленной на отзыв рукописи: подборка лирических стихотворений, повесть, сказка в стихах, книга. Чаще всего рецензия Рубцова помещается на одну машинописную страницу, есть и совсем короткие, тезисные отзывы: достоинства и недостатки произведений перечислены в них под цифрами. По всей видимости, такие предшествовали обсуждениям на семинарах. Но немало и подробных рецензий, содержащих развернутые характеристики и суждений, – такова, например, работа, в которой оценивается рукопись Венедикта Цимлякова: ее объем – 4 машинописных страницы. К вступительным и обзорным статьям Рубцова относятся: «Подснежники Ольги Фокиной», «Настроив душу на добро (О стихах С. Чухина)», «Поэзия любит трудолюбивых (Обзор поэтической почты)», «За гражданственность (О семинаре начинающих литераторов области)».

Из рассматриваемых литературно-критических опытов только три связаны с оценкой прозы разных авторов: это рецензии на повесть Аркадия Филатова «Агент УГРО», очерковую книгу Михаила Гурьева «Обнора, сторона родная», рассказы Нины Разживиной. Мотивация данных откликов могла быть связана с собственными попытками Рубцова обратиться к художественной прозе. В ноябре – декабре 1964 г. находившийся в родной Николе поэт в письме к Сергею Викулову признавался: «Все последние дни занимаюсь тем, что пишу повесть (впервые взялся за прозу)» [5, с. 37], а другому адресату – Николаю Николаевичу Сидоренко (наставнику в Литинституте) характер замысла в это же время пояснил так: «Хочу прозой написать историю одного человека, не похожего на современных литературных героев, – чтоб в нем была жизненная, а не литературная тоска, сила, мысль, разумеется, не физическая, а духовная» (Там же, с. 38). В наследии поэта сохранились две вполне законченные автобиографические миниатюры «Золотой ключик» и «Дикий лук» (опубликованы), есть в архиве и небольшие подготовительные фрагменты к неосуществленному прозаическому тексту.

Позиции и оценки Рубцова как рецензента художественной прозы выглядят так: его привлекает документальность и вместе с тем драматизм повествования, психологическая точность в детективном сюжете, лиричность описаний в очерках, ценит он и обращение к преданиям и сказкам в небольших эпических формах. Замечания его связаны с излишним информационным тоном и прозаическими длиннотами, а также с неотчетливостью стиля или оплошностями в нем, безликостью языка, отсутствием тематической и сюжетной новизны.

Важным представляется и тот факт, что Сергею Багрову осенью 1964 г. Рубцов сообщал о замысле внехудожественной прозы: он хотел оформить свои соображения о поэзии под заглавием «Письмо другу». Все его рецензии на поэтическое творчество можно рассмотреть именно как своеобразные письма друзьям и товарищам, ибо основной их тон благожелательный, уважительный, поддерживающий.

Композиционное сходство рецензий и отзывов очевидно: Рубцов всегда начинает с положительных сторон и заканчивает добрыми пожеланиями. Направляя пишущего к работе над собой, делает это мягко, указания на недостатки соединяет с жестом доверия к возможностям автора. Например, «все это сказано не вообще о стихах Ю. Надточия, а только лишь об этой подборке» [1, с. 244], «таковы основные свойства рукописи в общем-то, безусловно, одаренной поэтессы Н. Груздевой» (Там же, с. 258), «Ваши творческие способности нельзя оставлять без применения» (Там же, с. 246).

В целом Рубцов в рецензируемых стихах всегда видит больше достоинств, чем недостатков, и если рассматривать его литературно-критические работы в совокупности, то очевидной становится и рубцовская иерархия самых ценных качеств лирической поэзии, которые в письменных откликах лишь оттеняются указаниями на ошибки.

В первую очередь он обращает внимание на *общезначимость, масштабность тем, их разнообразие*. Он отмечает: «хорошо, что Ю. Надточий не-

редко касается темы родины» [1, с. 244]. Принимает рецензент и «темы партийного и комсомольского звучания, темы фронтовой жизни» (Там же, с. 247), если в них нет декларативности, риторичности и виден путь, пройденный страной, но с большей радостью он отзывается на лирические стихотворения, в которых звучат светлые мотивы, «выражены чувства очень добрые, нежные, ясные» (Там же, с. 242). А сосредоточенность лишь на одной теме – например, любовной, Рубцову не импонирует, он готов поддерживать автора, пишущего о любовных взаимоотношениях мужчины и женщины только тогда, когда в стихах состоится «психологически тонкое открытие» (Там же, с. 258) новых переживаний.

Вторым ценностным качеством поэзии Рубцов называет *искренность*, дополняя это слово в своих литературно-критических опытах и такими синонимичными характеристиками, как подлинность, достоверность, непосредственность, взволнованность, задушевность. Еще в предисловии к «Волнам и скалам» он отмечал: «Каждого искреннего поэта понимаю и принимаю в любом виде, даже в самом сумбурном» [5, с. 20]. С точки зрения Рубцова, если «стихи написаны далеко не холодным сердцем» [1, с. 262], то в них не будет искусственности, нарочитости и надуманности. Главный недостаток Сергея Чухина в 1967 г. Рубцов видит именно в некоторой натяжке, или нарочитости: «не очень-то верится, что он так уж действительно грустит, когда пишет о грусти» (Там же, с. 255). Однако претит Рубцову и «нота навязчивости» (Там же, с. 262), если автор придает своей откровенности слишком большое значение, «как бы похваляется ею» (Там же).

Оба эти ценные качества, масштабность темы и искренность, Рубцов находит в поэзии Ольги Фокиной. В лучших стихах поэтессы, по его оценке, «выражается не простое, а сложное чувство, т.е. радость и боль, нежность и огорчение представляют собой в том или ином стихотворении лишь оттенки одного сложного чувства» [8, с. 382], «черты и приметы так называемого мокрого угла (Архангельская, Вологодская области и прилежащие местности)» (Там же, с. 382) стали «фактом поэзии потому, что все это не придумано и является не мелкой подробностью, а крупным фактом ее биографии, ее личной жизни, судьбы» (Там же, с. 382). В статье «Подснежники Ольги Фокиной» Рубцов настаивает и на плодотворности пути поэзии через личное к общему, через глубоко индивидуальные переживания, не утрачивающие своего общечеловеческого значения.

Третье положительное свойство лирики – *простота*. Для Рубцова-рецензента это прежде всего связано с внятностью темы и ее языкового воплощения, с непринужденностью рифм и отказом от вычурности сравнений, эпитетов, гипербола. Умение ясно выражать мысль, придавая ей при помощи средств выразительности впечатляющую силу, необходимо любому лирику. А повышенная метафоричность, по его мнению, нередко оборачивается и абсурдом. В качестве примера в одной из рецензий Рубцов приводит такие строки: *Век височных жму рога; Сквозь ребра облаков / Сердце тьмы исходит светом* [4].

Цитируя оборот с неточным эпитетом в другой рецензии: *...дышит старина достойно, неподкупно* [1, с. 244], поэт задает автору вопрос: «Разве можно дышать достойно или неподкупно?» (Там же, с. 244). Не нравятся Рубцову и небрежные, неуклюжие в стилистическом отношении высказывания, например такие: *Силюсь я мечтой поэта / В мире братство сколотить* (Там же, с. 245); серьезным недочетом считает он неоправданные повторы слов и фонетические стыки: *И прошлое не даст нас забывать* (Там же, с. 244).

Четвертое достоинство стихотворений поэт видел в их *цельности и целостности, законченности*. «Мало создать какие-либо отдельные образы, из которых состоит стихотворение, надо еще соединить их так органично, так совершенно, чтобы стихотворение можно было читать наизусть полностью друзьям и знакомым, не спотыкаясь ни на одной строке, ни на одном слове. Чтобы стихотворение было так прочно устроено, как, допустим, корабль» [4].

Пятое ценное качество – *оригинальность*, проявляющая себя на уровне владения техникой *ритма и интонации*. Рубцов не просто замечал недостаток ритмической гармонии в стихах или сетовал по поводу небрежных, приблизительных рифм (завещал-указал, живем-ждем) или банальных (волна-она), для него очень важны были поиски своего поэтического голоса. Ритмы не от литературы, а подсказанные жизнью, доверчивые и открытые интонации в поэзии, по некоторым определениям поэта, самое сложное в лирике, но если движение к ним хотя бы намечено – лирические стихотворения достойны встречи с читателем.

Завершая рецензию-ответ, Рубцов, однако, не брал на себя ответственность за решение дальнейшей судьбы рукописи, но обязательно оговаривал перспективу для автора: «Вы, конечно, сами сознаете значение Вашей работы. Вопрос состоит в том, нужно ли и возможно опубликовать ее. Конечно, нужно, если устранить недостатки. Возможно ли? Это дело редакций, а также Вашей активности» [1, с. 256]. Или: «...если убрать из рукописи слабые стихи и поработать еще над ней вместе с редактором, то может получиться книжка» (Там же, с. 263).

Логика Рубцова, столь естественная в контексте эпохи 1960 гг., сегодня, когда функции литературного консультанта, рецензента, критика, корректора, редактора, почти соавтора и, наконец, издателя нередко совмещаются, помогает осознать необходимость возвращения к множественности оценок по отношению к художественным произведениям, претендующим на публикацию в серьезном периодическом издании или отдельной книгой. Письменных отзывов на рукопись или макет книги должно быть несколько, от разных поэтов или писателей. Такая практика в Вологодской писательской организации тоже была, сейчас она еще поддерживается литобъединениями и организациями конкурсов, но, к сожалению, жанр литературно-критической рецензии все чаще подменяется цифровыми показателями, а по ним пишущие не получают ориентиров для дальнейшей работы над собой.

Рубцов в 1966 г. самые общие цели художественного поиска определил так: «Органичность выражения, сложность и глубина содержания, совершенство и простота формы, общественная масштабность» [8,

с. 383]. Нельзя утверждать, что поэт обязательно использовал бы открывшуюся перед ним возможность стать критиком, но его умение видеть стихи, способность отмечать их лучшие стороны и недостатки, позволили бы ему стать руководителем литературного объединения, работать с начинающими. Личностный повод Рубцова-лирика и Рубцова-рецензента к такому самоопределению выражен следующими словами: «Каждый поэт обязан помнить и учитывать, что стихи и понимание стихов действительно необходимы людям, особенно молодежи» [8, с. 383].

Литература

1. Вересов, Л. Н. Страницы жизни и творчества поэта Н.М. Рубцова: сборник статей и документов / Леонид Вересов. – Вологда : Сад-Огород, 2013. – 312 с.
2. Воспоминания о Рубцове : сборник / составитель В. А. Оботуров, А. А. Грязев. – Архангельск ; Вологда : Северо-Западное Книжное издательство, Вологодское Отделение, 1983. – 320 с.
3. Багров, С. П. Дорога в рай : рассказы о Николае Рубцове / Сергей Багров. – Вологда, 2015. – 84 с.
4. Н. Рубцов. Литературно-критические работы. О подборке стихов В. Лапшина. – URL: https://rubtsov-poetry.ru/rub_critica/rub_critica2.htm (дата обращения: 10.01.2022). – Текст : электронный.
5. Н. М. Рубцов. Письмо другу: литературная реконструкция замысла поэта / автор проекта литературной реконструкции Л. Н. Вересов. – Мурманск : Государственное областное бюджетное учреждение культуры Мурманская областная детско-юношеская библиотека, 2019. – 171 с.
6. Непеин, Б. Поэзия нежности и раздумий / Б. Непеин // Красный Север. – 1970. – 16 января (№ 12 (15731)). – С. 4.
7. Оботуров, В. А. В буднях: Вологда литературная за 25 лет / В. А. Оботуров. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1988. – 318 с.
8. Рубцов Н. М. Россия, Русь! Храни себя, храни!: Стихи, переводы, проза, воспоминания, письма / вступительная статья и составитель В. В. Коротяева. – Вологда : ИЧП Крис-Кричфалуший, 1991. – 455 с.
9. Шайтанов, И. О. Как было и как вспомнилось. Шесть вечеров с Игорем Шайтановым / редакторы-составители : Е. М. Луценко, С. А. Чередниченко. – Санкт-Петербург : Алегейя, 2017. – 542 с.

E.V. Titova

NIKOLAY RUBTSOV: EXPERIMENTS IN LITERATURE CRITICISM

The article deals with Nikolay Rubtsov's oral statements and literary and critical works of various genres and analyzes his views on lyrical poetry. It considers his attitudes to his contemporaries' works, especially the works by the poets from the Vologda Region. E.V. Titova examines Rubtsov's hierarchy of positive and negative features of poetic texts. The hierarchy creates certain values for further creative activities of contemporary authors, reviewers and readers; it also helps to understand the current problems in the field of literary criticism.

N. Rubtsov, poet, poetry, review, criticism, experiments, Vologda authors, evaluation, advantages, disadvantages, manuscripts.